

Пяткин С. Н. «Властители» и «поэты» в творчестве Б. А. Садовского / С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2018. — № 11. — С. 127—138. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-127-138.

Pyatkin, S. N. (2018). "Poets" and "Rulers" in B. A. Sadovskoy's Works. *Nauchnyy dialog*, 11: 127-138. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-127-138. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 82.09+821.161.1Садовской.06+81'373.231

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-127-138

«Властители» и «поэты» в творчестве Б. А. Садовского

© Пяткин Сергей Николаевич (2018), orcid.org/0000-0002-8659-7543, ResearcherID J-9796-2016, доктор филологических наук, профессор, директор, Арзамасский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Арзамас, Россия), nikolas_pyat@mail.ru.

Статья посвящена анализу образов «властителей» и «поэтов» в художественном мире произведений Бориса Александровича Садовского, русского литературного деятеля первой половины XX века. Отмечается, что эти образы проходят через всю писательскую судьбу Садовского, репрезентируя себя в разных жанрах его творчества — стихотворениях, очерках, эссе, повестях, романах и существуя в них в качестве устойчивого мотивного комплекса. Новизна исследования заключается в актуализации художественных смыслов образной диады в ряде произведений писателя («Полежаев», «Кровавая звезда», «Цари и поэты», «Святая реакция», «Пшеница и плевелы»), показывающей, с одной стороны, консерватизм политических и государственных убеждений Садовского, а с другой — его кардинально меняющиеся ценностные ориентиры в восприятии духовно-эстетического потенциала национальной классики. Стоическая творческая позиция писателя, окончательно оформившаяся в самом начале 20-х гг., определяла миссию русского художника его строгим подчинением «авторитету Церкви», единственно не допускающем превращения искусства в искушение и сохраняющем духовную целостность российской государственности. В свете этой позиции, на что подробно обращается внимание в статье при анализе последнего романа Б. Садовского «Пшеница и плевелы», и предстают у писателя образы русских поэтов первой величины носителями «растлевающих идей».

Ключевые слова: Садовской; «поэты» и «властители»; Николай I; Пушкин; Лермонтов; «Святая реакция»; «Пшеница и плевелы».

1. Вводные замечания

В прижизненной критике и мемуарных свидетельствах о Борисе Александровиче Садовском (1881—1952) прочно сложилась репутация писате-

ля как строгого и взыскательного хранителя традиций «золотого века» отечественной культуры. Своеобычная творческая связь писателя с ушедшей эпохой обусловила рождение большинства сюжетов в его прозаическом наследии, интерпретация которых, как правило, составляет содержание редких научных работ, посвященных писательской судьбе Б. Садовского [Измурдов, 2012; Кислова, 2017; 2018]. В них, как и в специальных статьях, сопровождающих публикации художественного наследия писателя (С. В. Шумихина, В. Э. Вацура, И. Андреевой, Т. В. Анчуговой), особо отмечается государственный консерватизм Садовского, которой он пронес через всю свою жизнь, в отличие от духовно-эстетических приоритетов в национальной словесности [Садовской, 1990, с. 452—463; Садовской, 1992, с. 172—176; Садовской, 1993, с. 143—150; Садовской, 2001, с. 5—20; Садовской, 2010, с. 474—501].

2. «Цари» и «поэты» в творчестве Б. Садовского 1910—1920-х годов

Приверженность писателя «золотому веку» русской культуры не только определяла существо литературных пристрастий Садовского, но и находила свое воплощение в его жизненном поведении. Как писал В. Ходасевич, «любил он подчеркивать свой монархизм, свою крайнюю реакционность. <...> тут им руководило скорее эстетическое любование старой, великодержавной Россией, даже влюбленность в нее — нежели серьезно обдуманное политическое мировоззрение. Как бы то ни было, монархизм в эпоху 1905—1907 годов был слишком непопулярен и для писателя не мог пройти безнаказанно. Садовской же еще поддразнивал» [Ходасевич, 1925].

Наверное, демонстративное «черносотенство» Садовского вкупе с его дворянским мундиром и домашней картинной галереей, состоящей только из портретов Николая I, отчасти были фрондерской позой писателя. Однако все это не служит каким-то веским доказательством несерьезности его монархических убеждений, сугубо эстетической привязанности к самодержавной России. Большая, если не сказать — подавляющая, часть его произведений сюжетно связана с Николаевской эпохой. В ней, как убедительно указывает И. Андреева, Садовской видел «идеал этический, эстетический, модель государственного устройства, в котором государство и церковь, государство и общество, общество и человек взаимозависимы и взаимосвязаны естественно и неразрывно, как душа и тело» [Садовской, 1992, с. 173]. И такой взгляд, выражающий систему ценностных ориентиров писателя, определял характерные особенности идейно-художественного звучания его творчества, где шел поиск и баланса, и органической связи между политическим консерватизмом и поэтической свободой. Этот поиск нередко при-

водил к содержательной актуализации образов «властителей» и «поэтов», художественное решение которых явно воспринималось как реакционное не только в свете идей современности, но и в контексте устоявшихся и ставших каноническими оценок истории русской литературы XIX века.

Так, в очерке «Полежаев», вошедшем в книгу «Русская камена» (первоначально напечатан под заглавием «Погибший пловец» («Весы», 1905, № 8)), вопреки расхожей точке зрения относительно деспотической роли Николая I в судьбе поэта Полежаева, кстати, не потерявшей своей актуальности и по сей день, автор безапелляционно утверждал, что беспутный студент Сашка стал поэтом благодаря мудрой прозорливости самодержца: «Спаси Полежаева и окончательно способствовать его духовному возрождению, по мысли Государя, должен был солдатский мундир, который ему волей-неволей пришлось надеть... Поэт был спасен ценою гибели “Сашки” <...> тяжелые условия солдатчины создали из него подлинного поэта» [Садовской, 1910, с. 74—75].

В очерке Садовской трижды, изменяя лишь некоторые детали, воспроизводит сцену известной по мемуарным источникам встречи царя с автором фривольной поэмы, стремясь с каждым разом все увереннее и тверже донести до читателя мысль о высоких нравственных побуждениях власти, проявляющей подлинную заботу о своем поэте. И образ самодержавного властителя, вразумляющего, направляющего на путь истинный увязшего в пороках начинающего литератора, не менее важен в содержании очерка, чем его герой. Реабилитация Садовским всего лишь одного поступка самодержца становится залогом самого факта существования в отечественной словесности оригинального русского поэта Полежаева», см. подроб.: [Пяткин, 1992, с. 173].

В весьма скромном по своему объему поэтическом наследии Б. А. Садовского есть одно любопытное стихотворение, прямо связанное с темой нашей работы. Называется оно «Цари и поэты» (1917).

*Екатерину пел Державин
И Александра Карамзин,
Стихами Пушкина был славен
Безумца Павла грозный сын.*

*И в годы, пышные расцветом
Самодержавных олеандр,
Воспеты Тютчевым и Фетом
Второй и Третий Александр.*

*Лишь пред тобой немели лиры
И замирал хвалебный строй,
<Невольник трона, раб порфиры,>
Несчастный Николай Второй!* [Садовской, 2010, с. 212]

Взятая вне контекста творческой биографии Садовского, эта лирическая пьеса производит впечатление поэтического упражнения, в котором автор делает попытку, образно говоря, зарифмовать российских самодержцев с выдающимися русскими литераторами. Рифмовка получается неполной, поскольку последний император, Николай Второй, не в пример своим знатым предкам, не обрел, по Садовскому, достойного себе певца. Кстати сказать, как упражнение, причем неудачное, воспринял это стихотворение один из первых его читателей, профессор Б. В. Никольский, подвергнув резкой критике «рифмы» в «царско-поэтической галерее» Садовского. В письме к автору от 10 декабря 1917 года он писал: «... не могу не упрекнуть Вас в нескольких несправедливостях. Прежде всего, Александра I “пел” гораздо характернее Карамзина Жуковский; Карамзин был в оппозиции. Но и Карамзин, и Жуковский бледнеют перед пушкинскими: “Вы помните ль, как наш Агамемнон...” и “О други, с мест! Вторую наливайте!...” и пр. С другой стороны, разве не Пушкин характеризовал царствование Александра I тем, что лира наших поэтов о нем безмолствовала? <...> Всего же более несправедливо упоминание по поводу Александра III одного Фета. А Майков? А Голенищев-Кутузов? Если Вы скажете, стихи Фета лучше, то я не знаю. <...> Словом, факты слишком говорят не в тон Вашему стихотворению, чтобы не заглушить той доли поэтической истины, которой оно внушено» [Садовской, 2001, с. 370—371]. Садовской в ответ начал было правку стихотворения, уже опубликованного в книге «Обитель смерти», но затем перечеркнул его текст, тем самым лишив «Царей и поэтов» места в планируемом собрании сочинений. Однако это произведение никак нельзя назвать случайным в творческой биографии Садовского. И даже если оставить за ним определение «поэтического упражнения», то названная рифма в нем (цари — поэты) будет лишь своеобразным ключом к содержанию текста, которым пафосно утверждается священный союз монархической власти и русской поэзии в лице ее великих представителей.

Стихотворение явилось откликом на эпохальное событие российской истории — отречение от престола Николая II, в пору царствования которого, что явно читается в третьей строфе, происходит утрата симфонического единства «державы» и «лиры». В отличие от многих своих собратьев

по писательскому цеху, в этой утрате, в самом крушении самодержавной власти Садовскому виделась апокалипсическая катастрофа русской цивилизации.

Показательна в свете интересующей нас темы и сцена из романа «Кровавая звезда» (1919), где Николай I после смерти Пушкина собственноручно, не читая, сжигает бумаги из архива поэта, в которых, по словам Жуковского, содержатся «шалости пера... остроты, касательно форм правления... Шутки о духовных и светских лицах» [Садовской, 1993, с. 19]. Эта сцена совершенно не вызывает никакого отторжения. Она естественна и органична для воссоздаваемого образа Государя, исполненного одновременно и тревогой за будущие умы империи, и заботой о репутации Пушкина как первого поэта России.

Впрочем, этот статус Пушкина в романе «Кровавая звезда» далеко не однозначен. Время его создания пришлось на мировоззренческий кризис Садовского, вызванный одновременно и происходящими революционными событиями в стране, и тяжелым физическим недугом писателя, приковавшим его к инвалидному креслу. Духовную опору для себя — и как человека, и как художника — он нашел в ортодоксальном православии, «на пробном камне» которого «даже Пушкин оказывается так себе. Поэт — и только» [Садовской, 1992, с. 185].

Такая метаморфоза сознания Садовского вела его не просто к какой-то вполне естественной для творческого человека переоценке убеждений и пристрастий: вчерашние литературные кумиры «золотого века» становились оппонентами писателя, с которыми он прямо связал трагическое бытие современности. В этом плане показательны размышления Садовского, запечатленные на страницах эссе «Святая реакция» (1921). Утверждая в нем идею «симфонии» Церкви и государства как залога благоденствия России, автор видел высшим и истинным предназначением русского художника его служение, деятельно утверждающее эту «симфонию». Художнику, по Садовскому, нужно всецело подчинить самого себя «авторитету Церкви», чтобы не допустить превращения искусства в искушение, последствия которого губительны и необратимы для православной империи — единственной формы существования российской государственно-сти [Садовской, 1990, с. 431—436].

3. «Поэт и власть» как мотивный комплекс в романе Б. Садовского «Пшеница и плевелы»

Подобная философия творчества писателя формировала новые смыслы идейного содержания образной диады «поэт — власть», что в полной

мере демонстрирует изображенный мир последнего романа Б. Садовского «Пшеница и плевелы» (1936—1941). В этом произведении, имеющем все основания считаться духовным завещанием писателя, автор, художественно актуализируя семантику евангельского текста о пшенице и плевелах, создает мифологическую биографию М. Ю. Лермонтова, качественно отличающуюся от сложившегося литературного канона судьбы и личности поэта, см. подроб.: [Пяткин, 2013, с. 18—29].

В «Пшенице и плевелах», по большому счету, Садовской отказывает автору «Ангела» и «Демона» в праве считаться великим русским поэтом, обнажая и детализируя в его романном жизнеописании изначально заявленную сущность — «ядовитый плевел». Соблазнитель, неблагодарный сын, картежник, кутила, насмешник, в конечном счете, нечистый на руку дворянин — вот из чего складывается общая репутация Лермонтова в романе. В схожем смысловом диапазоне предстают у Садовского и образы других литературных деятелей «золотого века». Так, Пушкин аттестуется «вторым Вольтером», что «пасквилями запрудил всю Россию» [Садовской, 1993, с. 116]. Афанасий Фет, уничижительно именуемый в романе «Афоней», свою поэтическую «славу» снискал как сочинитель «ругательной песенки». «Мелким бесом» выведен Белинский, живущий «при стихках и статейках». Молодой Некрасов устраивает пьяные дебоши в столичных трактирах. Бравирует своим двуличием Никитенко, откровенно русофобствует Булгарин...

На очевидном контрасте с образами «поэтов» даны в романе образы представителей так называемого высшего эшелона власти монархической России — министры Канкрин и Уваров, граф Толстой и генерал Скобелев... И с особой тщательностью, что неудивительно, выписана автором фигура Николая I. Садовской органично совмещает в его образе монументальные и человеческие черты, изображая личность императора, пекущегося о всеобщем благе государства и не оставляющего без внимания проступки и поступки своих подданных — от генерала Древича, подло обманувшего своего товарища, до простого солдата, исправно несущего службу в карауле Зимнего дворца.

Две эти образные линии романа неоднократно пересекаются в повествовании, правда, как правило, такие пересечения носят косвенный характер и опосредованно сближают «поэтов» и «властителей». Так, к примеру, содержание письма Государя к умирающему Пушкину становится известным только после смерти поэта: его читает Жуковский на званом обеде у князя Оболенского. При этом близкий друг поэта, кажется, вовсе и не сожалеет о его гибели («Пушкин виноват перед царем: дал слово

не драться, а сам затеял дуэль. С какой стороны не взглянешь, для Пушкина нет оправданий» [Садовской, 1993, с. 122]), останавливая внимание всех собравшихся за столом на факте «неслыханной царской щедрости», оказанной семье покойного.

Прямо же названные линии сходятся в романе, по сути, единожды: в эпизоде, где Николай I выступает читателем и критиком стихотворения Лермонтова «Смерть поэта». Отметим, что «критический разбор» самодержца полностью лишен каких бы то ни было рассуждений о поэтическом слоге и эстетическом совершенстве / несовершенстве стихотворения. На первый план выходят размышления высокого «критика» о вопиющем, с его точки зрения, противоречии содержания лермонтовских строк как реалиям пушкинской жизни, так и здравому смыслу:

*Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет...*

Вот уж подлинно: зачем? И кто, кроме беса, мог толкнуть Пушкина в этот мелкий искусственный мирок? А ведь он был человек обеспеченный, молодой, здоровый. Мог поселиться у себя в деревне и творить на досуге; конечно, и за границу бы его отпустили. Жена мешает? оставь ее, оставь все на свете; беги с котомкой куда глаза глядят. А уж в конце прямая ахинея:

*...Надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов...
...Жадною толпой стоящие у трона
Свободы, гения и славы палачи...*

Что за потомки подлецов, какие палачи? Ведь русский Государь самодержавен: у трона его не стоит никто. Тогда выходит, что поэта погубил царь. Вам смешно, и я смеюсь; да что говорить: такой подлой глупости даже во сне не придумаешь [Садовской, 1993, с. 121].

В своих рассуждениях Николай I у Садовского в равной мере апеллирует и к тому, кто написал это стихотворение, и к тому, о ком оно написано. Обращает на себя внимание лексико-стилистический регистр, избранный для «критических возражений» и служащий сознательному умалению царя до обывателя, что едва ли не преобразует (а скорее всего, и призвано автором к этому) суждение самодержца во «мнение народное». В этом отношении показательны, что легендарная фраза Николая I, сказанная якобы при получении им известия о смерти Лермонтова («Собаке — собачья смерть»), в перефразированном виде «перепоручается» пушкинскому лакею и становится оценкой смерти Пушкина: «Жил как пес и подох как пес». Получается, что стихотворение Лермонтова, содержащее ложные

измышления о судьбе Пушкина, причинах и виновниках его смерти, является «возмутительным сочинением» в равной степени и с позиции власти, и с позиции народа.

Приведенный эпизод с лермонтовским стихотворением обнаруживает в романе зеркальное соответствие с небольшим фрагментом, основу которого составляет известный исторический анекдот:

Государь положил резолюцию на деле рязанского мещанина Леонтьева, плюнувшего в кабаке на царский портрет: «Дело прекратить, портретов моих в кабаках не вешать, а виновному объявить, что и я на него плюю» [Садовской, 1993, с. 129].

На первый взгляд, поступок подвыпившего рязанца по дерзости своей явно превосходит резкие инвективы Лермонтова, облеченные в поэтические строки. Однако Лермонтов «за сочинение непозволительных стихов» с понижением в воинском звании отправлен на Кавказ, а Леонтьев за плевок в изображение монарха отделался, что называется, легким испугом. Такая избирательность в формах наказания у Государя обусловлена, по всей видимости, тем, что в случае с портретом императору нанесено личное оскорбление, которое он великодушно, не без остроумного ответа и не теряя притом царского величия, прощает. К тому же находится разумное и простое решение, исключающее рецидив пьяной выходки мещанина: ...*портретов моих в кабаках не вешать*. Лермонтовское стихотворение лишь опосредованно направлено на монарха; его главной целью является, что твердо знал в свое время каждый советский школьник, монархическая власть. Для автора романа это власть, данная российскому народу Богом. Следовательно, по Садовскому, обличительный пафос «непозволительных стихов» не щадит ни царя, ни народа, ни Бога. А обращение лирического героя к Божьему суду как высшей инстанции, восстанавливающей справедливость в человеческом мире, в этом контексте представляет собой риторическую фигуру речи, поскольку право высшего суда уже присвоено себе поэтом. И посему великодушие и милость со стороны власти по отношению к автору стихотворения явились бы в глазах общества оправданием такого права, с которого, как подчеркивает Садовской, и начинается «пожар революции».

Кажется совершенно очевидным, что идейно-художественное содержание понятия «власть» в романе самым непосредственным образом связано с основополагающими принципами государственной идеологии Российской империи, сформулированными С. С. Уваровым лаконичной триадой — православие, самодержавие, народность. И в таком содержательном качестве понятие «власть» образует в аксиологическом про-

странстве текста оппозицию с понятием «поэт», репрезентируя в последнем семантику евангельского символа «ядовитые плевелы». В этом плане примечательны оценки, которые даются в романе Пушкину и Белинскому другими персонажами, также принадлежащими миру искусства, и которые корреспондируются с авторскими отступлениями, представляющими собой парафраз библейских изречений и стилизацию духовных наставлений из святоотеческой литературы: ... *вся его поэзия от беса. В Пушкине, как в золоченом орехе, кроется ад невероятной разрушительной силы; у церковных людей этот ад называется соблазном. Только действие его не скоро скажется. Ох, не скоро!* [Садовской, 1993, с. 117]. А вот как отзывается о своем бывшем приятеле, «пензенском студенте» Белинском, вымышленный персонаж романа, художник Епафродит Егоров: ... *он во мне образ и подобие Божие исказил* [Садовской, 1993, с. 135].

Вряд ли стоит говорить о Кукольнике Садовского как о литературном деятеле Николаевской эпохи, в котором запечатлен авторский идеал русского поэта, «сорботника» власти, поскольку его роль в романе фактически исчерпывается приведенным суждением о Пушкине и менторскими суждениями о сути христианского искусства. В центре внимания Садовского располагаются образы поэтов первой величины, являющихся, по воле автора, носителями «растлевающих идей», которым уготована судьба «ядовитых плевел».

4. Заключение

Садовской начинает работать над романом «Пшеница и плевелы» в 1936 году, в канун столетнего «поминального» юбилея Пушкина, которого с пышными почестями идеологи советской России рекрутируют в ряды строителей «светлого будущего». 10 февраля 1937 года в Москве, в Большом театре, состоялось торжественное заседание, посвященное дню рождения Пушкина и официально открывавшее масштабные юбилейные мероприятия. Председатель Всесоюзного Пушкинского Комитета народный комиссар просвещения РСФСР А. С. Бубнов в своей вступительной речи эмоционально подчеркивал: «Пушкин наш! Только в стране социалистической культуры окружено горячей любовью имя бессмертного гения, только в нашей стране творчество Пушкина стало всенародным достоянием. Пушкин принадлежит тем, кто под руководством Ленина и Сталина построил социалистическое общество, он принадлежит народам СССР, которые под великим знаменем Ленина–Сталина идут к коммунизму» [Александров, 1937, с. 492—493].

Садовской завершит роман в начале 1941 года, в разгар новой идеологической кампании, связанной с точно таким же юбилеем, но уже Лермонтова. При всем своем затворническом образе жизни писатель не мог не знать, что большевики, свергнув «царей», стремятся сделать «их» «певцов» «своими». И этот факт, безусловно, оказал влияние на авторский замысел и художественную репрезентацию образов «поэтов» и «властителей» в его последнем романе, идея которого, как справедливо отмечено В. Э. Вацуро, «почти кошунственная». И вместе с тем, по его же словам, «внимательное изучение этого феномена может быть важно для уяснения общей эволюции целого культурного поколения» [Садовской, 1993, с. 149; 150].

Литература

1. Александров А. Подготовка и проведение пушкинского юбилея в СССР / А. Александров // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. — Москва ; Ленинград, 1937. — [Вып.] 3. — С. 492—517.
2. Изумрудов Ю. А. Апокалипсис Б. Садовского / Ю. А. Изумрудов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2012. — № 4 (1). — С. 393—397.
3. Кислова Н. Н. Идеализирующий биографизм в творчестве Б. А. Садовского (на примере романа «Александр Третий») / Н. Н. Кислова // Кризисный двадцатый век : парадоксы революционного кода и судьбы литературы : сборник научных статей / отв. ред. Л. Г. Тютелова, Е. С. Шевченко. — Самара : Самарская гуманитарная академия, 2018. — С. 45—46.
4. Кислова Н. Н. Петровская эпоха в романе Б. А. Садовского «Карл Вебер» / Н. Н. Кислова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2017. — Т. 19, № 2. — С. 85—89.
5. Пяткин С. Н. Борис Садовской как автор двух сюжетов об А. И. Полежаеве / С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2013. — № 10 (22): Филология. — С. 48—60.
6. Пяткин С. Н. Роман Б. А. Садовского «Пшеница и плевелы» как мифологическая биография Лермонтова / С. Н. Пяткин // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. — 2013. — № 2 (117). — С. 18—29.
7. Садовской Б. Заметки. Дневник (1931—1934) / Б. Садовской // Знамя. — 1992. — № 7. — С. 172—194.
8. Садовской Б. Записки (1881—1916) / Б. Садовской // Российский Архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. : альманах. — Москва : Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. — [Т.] 1. — С. 106—183.
9. Садовской Б. Кровавая звезда / Б. Садовской // De visu. — 1993. — № 4. — С. 5—22.
10. Садовской Б. А. Лебединые клики / Б. А. Садовской. — Москва : Советский писатель, 1990. — 480 с.

11. Садовской Б. А. Морозные узоры: стихотворения и письма / Б. А. Садовской. — Москва : Водолей, 2010. — 566 с.
12. Садовской Б. А. Пшеница и плевелы / Б. А. Садовской // Новый мир. — 1993. — № 11. — С. 92—150.
13. Садовской Б. А. Русская камена / Б. А. Садовской. — Москва : Мусажет, 1910. — 160 с.
14. Садовской Б. А. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи / Б. А. Садовской. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2001. — 398 с.
15. Ходасевич В. Памяти Б. А. Садовского / В. Ходасевич // Последние новости. — 1925. — № 1541. — 3 мая.

“Poets” and “Rulers” in B. A. Sadovskoy’s Works

© Pyatkin Sergey Nikolayevich (2018), orcid.org/0000-0002-8659-7543, ResearcherID J-9796-2016, Doctor of Philology, professor, Head of Arzamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Arzamas, Russia), nikolas_pyat@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of the images of “rulers” and “poets” in the artistic world of the works of Boris Alexandrovich Sadovskoy, a Russian literary figure of the first half of the 20th century. It is noted that these images go through the entire writer’s fate of Sadovskoy, representing himself in different genres of his work — poems, essays, novels and existing in them as a stable motivic complex. The novelty of the study lies in the actualization of the artistic meanings of the figurative dyad in a number of works of the writer (“Polezhaev,” “Bloody star,” “Kings and poets,” “Holy reaction,” “Wheat and tares”), showing, on the one hand, the conservatism of political and state beliefs of Sadovskoy, and on the other — his radically changing value orientations in the perception of the spiritual and aesthetic potential of the national classics. Stoic creative position of the writer, who was finally formed in the early 1920-ies, determined the mission of the Russian artist by his strict subordination to the “authority of the Church,” the only one that does not allow the transformation of art into temptation and preserving the spiritual integrity of the Russian state. In the light of this position the images of Russian poets of the first magnitude are presented as the carriers of “corrupting ideas”, that is considered in the article in the analysis of the last novel by Sadovskoy “Wheat and tares.”

Key words: Sadovskoy; “poets” and “rulers”; Nicholas I; Pushkin; Lermontov; “Holy reaction”; “Wheat and tares.”

References

- Aleksandrov, A. (1937). Podgotovka i provedeniye pushkinskogo yubileya v SSSR In: *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii*. 3. Moskva; Leningrad. 492—517. (In Russ.).
- Izumrudov, Yu. A. (2012). Apokalipsis B. Sadovskogo. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 4 (1): 393—397. (In Russ.).
- Khodasevich, V. (1925). Pamyati B. A. Sadovskogo. *Posledniye novosti*, 1541: 3 maya. (In Russ.).

- Kislova, N. N. (2017). Petrovskaya epokha v romane B. A. Sadovskogo «Karl Veber». *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsialnyye, gumanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki*, 19/2: 85—89. (In Russ.).
- Kislova, N. N. (2018). Idealiziruyushchiy biografizm v tvorchestve B. A. Sadovskogo (na primere romana «Aleksandr Tretiy»). In: Tyutelova, L. G., Shevchenko, E. S. (eds.). *Krizisnyy dvadtsaty vek: paradoksy revolyutsionnogo koda i sudby literatury: sbornik nauchnykh statey*. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya. 45—46. (In Russ.).
- Pyatkin, S. N. (2013). Boris Sadovskoy kak avtor dvukh syuzhetov ob A. I. Polezhayeve. *Nauchnyy dialog*, 10 (22): *Filologiya*: 48—60. (In Russ.).
- Pyatkin, S. N. (2013). Roman B. A. Sadovskogo «Pshenitsa i plevely» kak mifologicheskaya biografiya Lermontova. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*, 2 (117): 18—29. (In Russ.).
- Sadovskoy, B. A. (2001). *Stikhotvoreniya, rasskazy v stikhakh, p'esy i monologi*. Sankt-Peterburg: Akademicheskiy proekt. (In Russ.).
- Sadovskoy, B. (1992). Zametki. Dnevnik (1931—1934). *Znamya*, 7: 172—194. (In Russ.).
- Sadovskoy, B. (1993). Krovavaya zvezda. *De visu*, 4: 5—22. (In Russ.).
- Sadovskoy, B. (1994). Zapiski (1881—1916). In: *Rossiyskiy Arkhiv: istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII—XX vv.: almanakh. 1*. Moskva: Studiya TRITE: Ros. Arkhiv. 106—183. (In Russ.).
- Sadovskoy, B. A. (1910). *Russkaya kamena*. Moskva : Musaget. (In Russ.).
- Sadovskoy, B. A. (1990). *Lebedinye kliki*. Moskva: Sovetskiy pisatel'. (In Russ.).
- Sadovskoy, B. A. (1993). Pshenitsa i plevely. *Novyy mir*, 11: 92—150. (In Russ.).
- Sadovskoy, B. A. (2010). *Moroznyye uzory: stikhotvoreniya i pisma*. Moskva: Vodoley. (In Russ.).